

Слава таких людей, как Евгения Самойловна Айзенштат, не громкая и яркая. Достигла, преодолела — все эти слова вряд ли подходят к ее судьбе. Это человек негромкой доброй славы, которая жива и сильна не почестями и титулами, а сердечным уважительным отношением окружающих. Но и это, известно, не приходит само собой. Да, и преодолела, и достигла. Но вернее — пережила. И счастливое, и горькое. Сохранив свет в глазах — спокойный, ясный, умение мгновенно откликаться на чужую просьбу, боль, беду.

У нее простое строгое лицо. Черты его неброски, не сразу замечаются. Но остается накрепко в памяти его выражение — открытости и искренности. Уже через час беседы мне казалось, что я знаю эту женщину очень давно.

Можно рассказать о Евгении Самойловне как об опытном полиграфисте и работнике связи, человеку завидной работоспособности, исключительного чувства долга и ответственности. Можно описать ее «вторую жизнь» — жизнь актрисы народного театра. Талантливой, чуткой, пластичной, обязательной. Оба рассказа — об одном человеке, об одной личности. А это и есть самое важное и ценное — личность, судьба нашей современницы, взявшей от времени, событий, людей, лучшее, живущей наполненно и увлеченно.

Увлеченность в ней — от того горячего, бурного времени 30-х. Она — маленькая, худенькая девочка-подросток. А вокруг люди работали жадно и радостно, так что хотелось и самой быстрее взяться за дело. — вспоминает Евгения Самойловна.

Она просилась в колхоз. Но ее не взяли — мала больно. Мать увезла тринадцатилетнюю Женю с Украины на «край света», за далекую реку с красивым названием Амур, куда съезжались евреи со всей страны строить свою «землю обетованную».

Что жизнь сурова, Женя знала с ранних лет. Она росла без отца. Отношения с отчимом складывались трудно. Жили скромно, вернее сказать, бедно. Но были книги,

друзья, отчаянно-веселые пляски и частушки на молодежных посиделках. Были споры, серьезные разговоры на комсомольских собраниях. Маленькие радости делали большое дело — они наполняли душу и не оставляли в ней места сомнениям, усталости. Веру свою в то, что она не одинока, что люди всегда помогут, Евгения Самойловна тоже вынесла из того далекого времени.

Хотя прошло уже более пятидесяти лет, ясно видится ей один эпизод. Поезд с переселенцами двинулся на восток медленно, с частыми, порой долгими остановками. На одной из стоянок Женя побежала за кипятком, и в это время поезд тронулся. Девочка бежала изо всех сил. И когда она была уже у последнего вагона, вдруг, не успев испугаться, почувствовала, как чьи-то сильные руки подхватили ее и поставили на подножку. Из тамбура тоже таянулись к ней несколько рук. С тех пор всегда в трудные минуты ей вспоминались эти сильные руки.

Нелегкие были годы, но они помнятся Евгении Самойловне счастливыми. Может, потому что научили ее главному — учиться трудиться самостоятельно, с верой в необходимость и значительность своего труда.

Женя все-таки добилась своего. Ее взяли в колхоз, в тракторную бригаду обмерять поля. Шагмар был выше ее. Работе смеялись: «Шагмар сам идет». Женю было едва видно издалека.

Нельзя было не видеть другого — ее упорства, безотказности в работе. И когда в 1934 году в Амурском организовали типографию, Женю назначили отвечать за знакомое дело. Она стала ученицей наборщика. «Руки у нее умелые, сможет», — решили товарищи.

У Евгении Самойловны кра-

сивые руки — мягкие, женственные, с тонкими длинными пальцами. Во время нашей беседы они спокойно лежали на коленях. Лицо и голос тоже спокойны. Только глаза — напряженные, в них — отблески былого.

Она не очень любит вспоминать, да ей и некогда предаваться воспоминаниям. Работа в отделе «Союзпечати», как и прежняя ее должность полиграфиста, не позволяет выполнять свои обязанности «от звонка до звонка». Это во многом работа организатора. Обдумывать, планировать случается нередко и тогда, когда рабочий день закончен. Евгения Самойловна не привыкла делить время на «личное» и «рабочее». Может, от того, что мало у нее этого «личного». Она не помнит, чтобы когда-то жила без общественной работы. Во время войны была политруком кружка ОСОАВИАХИМа. Вечерами собирались, женщины изучали винтовку, разные военные науки. После войны вступила в партию, возглавляла партийную организацию связистов, была депутатом сельского Совета, народным заседателем районного суда, заместителем председателя сельсовета. Сейчас она член совета ветеранов комсомола.

Но, конечно, не в должностях дело. Доброе людское отношение к Евгении Самойловне рождается от ее ду-

было еще несколько зрителей. Евгению Самойловну неожиданно обжег взгляд незнакомой женщины. Столько было в нем ненависти и презрения! А актриса обрадовалась: значит, сумела сыграть достоверно и убедительно.

Театр... Здесь человек, будь он актер или зритель, раскрывается навстречу задушевной мысли автора. Он забывает о себе. В сопереживании гуманистический смысл искусства. Наверное, именно он так притягивает к себе. Любовь к театру, если она вспыхивает — вечна, всепоглощающая. Она отнимает время, силы. Но никто из влюбленных в театр не скажет так, ибо не замечает этого, ибо театр прежде всего дает силы и вдохновение, напряжение мысли и радость творчества. Для Евгении Самойловны-актрисы важно, что она имеет возможность дарить другим эти силы, вдохновение, радость.

— Когда я вижу, как уставшее лицо зрителя вдруг словно расцветает, оживает, как загораются глаза, я готова играть и играть, забыв о себе, видя только этот благодарный взгляд.

И увлечение не для себя — для людей, для их радости. Такова для Евгении Самойловны смысл жизни — отдавать.

Энтузиасты культурпросветработы

ГРАММАТИКА СУДЬБЫ

шестности, неискраемой деятельной доброты.

Коллектив «Союзпечати» — женский. А у женщин, известное дело, то ребенок заболел, то еще какая беда. И вот в воскресенье идет Евгения Самойловна сама работать в киоск «Союзпечать» или весь вечер просидит над отчетом, чтобы пораньше сдать. Надо. Не вмешаться там, где кому-то нужно помочь, она не может.

Приехала в народный театр на практику режиссер Галина Юринская. Коллектив готовил новый спектакль с режиссером из Хабаровска. Предполагалось, что практикантка выбрала для дипломной работы ту же пьесу. Но Галина мечтала о другом спектакле. Увидев, что люди давно работают над ролями, она не решилась предложить начинать все сначала. Репетиции продолжались. Но Евгения Самойловна почувствовала: девушка сама не своя. Подошла к ней, разговорила. И уже через несколько дней беседовала с заведующей отделом культуры райисполкома Н. П. Кузнецовой. Убедила: нужно дать возможность студентке поставить свой спектакль. Диплом Галия защитила на «отлично».

Вот мы и перешли незаметно ко «второй жизни» нашей героини. В редкие свободные вечера Евгения Самойловна любит перечитывать пьесы, в которых она играла. Их немало. Встречи с героями, словно новые встречи со зрителями. Именно их пониманием дорожит актриса.

Айзенштат приходится чаще играть роли положительные, порой героические. В спектакле же «Отважное сердце» по пьесе И. Эвельда ей досталась роль порочной надзирательницы. Это медкая, низкая, трусливая душонка. После спектакля актеры в костюмах спустились в зал. Там

Мы не любим громких слов, но иногда вместе с ними отбрасываем и очень важные понятия. Да, говорю о смысле жизни. Знать, для чего живешь, — очень нужно. И чем раньше задумается человек о своем месте на земле, чем активнее будет его поиск, тем яснее и ярче станет его судьба. Кажется, все это ясно. Грамматика, которую проходили в школе. Только эта грамматика значительно сложнее, она своя для каждой человеческой судьбы.

Когда об Айзенштат говорят как об актрисе, нередко употребляют слово «профессионализм». Для артистки из самостоятельного коллектива это серьезная заслуга. Но дело скорее не столько в профессиональных навыках, умениях. Образы, созданные актрисой достоверны, убедительны, ибо судьба каждой героини прожита, пропущена через ее сердце.

После беседы мы выходим с Евгенией Самойловной на улицу. Ей нужно навестить внуков. У подъезда несколько пожилых женщин останавливают соседку:

— Женя, когда ваша премьера? Мы всей семьей придем.

— А что слышно о ремонте крыши в нашем доме, что тебе в райисполкоме ответили?

Евгения Самойловна надолго задерживается у подъезда. Потом идет в магазин. До дома сына она дойдет еще не скоро. Много людей ей встретится по дороге.

Т. МАКЕДОН.

* * *

На снимке: Е. С. Айзенштат.

Фото М. Шестопалова.